

Юрий Каграманов

Нежданный зов аристократизма

Как бы ауканье лесное
Иль эха чуткого ответ,
Порой доходит к нам былое.
Дойдет ли к внукам? Да иль нет?

К. Случевский

Его услышали даже американцы, традиционно гнушавшиеся европейскими аристократами и представлявшие их себе по большей части в карикатурном виде. О перемене взгляда свидетельствует необычайный успех таких экранизаций, как телесериал «Аббатство Даунтон» (2010—2015) с его полноэкранным продолжением (2019) и телесериал «Война и мир» (2016—2017). Вся эта продукция — английская, что не удивительно: Англия — родина либеральной демократии и зачинатель промышленного капитализма, а вместе с тем в ней до сих пор сохранились разного рода «уголки» феодализма; включая «красный угол» — монархию. Кому же еще, как не англичанам, браться за тему аристократии!

Кинофильм «Аббатство Даунтон» сравнительно с сериалом¹ ничего существенно нового не показал. Его появление обязано главным образом нетерпению миллионов *фенов*, жаждущих продолжения полюбившейся истории. Это примерно тот же круг зрителей, что оценил по достоинству другой *хит* — экранизацию «Войны и мира».

Люди устали от хамства — в этом, наверное, главная причина успеха названных фильмов. Хамство ведь — это не просто бытовая грубость, это склад души или, если угодно, бездушие. По Щедрину, хамство проистекает из уверенности, что земля представляет собою выморочное пространство, где можно плевать во все стороны («Господа ташкентцы»). Другой наш классик, Мережковский, пророчил в знаменитой статье «Грядущий Хам»: не от пожара и не от наводнения погибнет в следующий раз мир, но от хамства.

Аристократизм, по крайней мере в идеале, несовместим с хамством. Вероятно, суть его можно передать старинным словом *вежество*, по смыслу соединяющим в себе образованность и учтивость. Нам показывают, как подстригают газоны вокруг аббатства Даунтон — наверное, так же их подстригали пресловутые триста лет. И все это время шла обработка душ обитающих в замке — воспитание в них внешней сдержанности, вежливости, благообразия, участливости в жизни не только близких, но и дальних. Своими манерами люди «верхнего яруса» заражали тех, кто трудился на «нижнем ярусе» замка, а в какой-то степени и всех живущих окрест. Обуздание инстинктов — работа веков; оно началось в среде привилегированных и распространялось по социальной лестнице вниз.

¹ О сериале я писал в статье «Возвращение в аббатство Даунтон» («Русская idea», 29.03.2018).

По нынешним временам должен вызывать зависть порядок в отношениях полов. Он был продиктован христианством, но аристократия привнесла в него красоту. Как привнесла она изящество в быт и манеры поведения. В этой среде утвердилась нормативная речь, охранять которую потом заступили филологи, вроде профессора Хиггинса («Пигмалион» с продолжением в виде мюзикла «Моя прекрасная леди»).

«Аббатство Даунтон» — добный, местами благостный фильм (имею в виду кинофильм), раздающий всем сестрам по серьгам, в своей благостности местами несколько приторный. Его финал избыточно оптимистичен: когда старая графиня Вайолет говорит «аббатство Даунтон будет всегда», она выдает желаемое за неизбежное; если, конечно, не иметь в виду камни этого великолепного здания.

Сухой лес еще стоит некоторое время, но потом приходит и его час.

Опрометчиво замечание английского журнала «The Wrap» (18. 9. 2019), так оценившего успех «Аббатства»: «Аристократы выигрывают войну классов». Выигрывают они только на экране и только в глазах определенной, пусть даже неожиданно многочисленной аудитории. Волны хамства — шкурничества, невежества, брутальности — распространяются не только вширь, но и ввысь, отчасти захватывая и привилегированные слои. В прежние времена все «низкое» вмещал социальный «поддон»: описанные Диккенсом лондонские трущобы, где дети росли без призора и ухода, портовые кабачки, где разноплеменные матросы, накачавшись Жёлтым Джеком (ромом), дрались на ножах; Филдинг и Дефо жаловались тогда, что матросы — те же дикари и язык их — одна грубая брань. Сегодня грубая брань «прилипла» к языку публики, которую в прежние времена называли «чистой»; сам профессор Хиггинс в наши дни, наверное, не стал бы пренебрегать базарными словечками, подучившись им у торговки Элизы Дулитл.

Точности ради заметим, что и тогда, когда на сцене был поставлен «Пигмалион», культурные слои Европы начинали сдавать свои позиции. Как говорит один из персонажей Достоевского, «уже не сор прирастает к высшему слою людей, а напротив, от красивого типа отрываются, с веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими». Цитата из «Подростка» напоминает, что движение сверху вниз началось еще во второй половине позапрошлого века.

Успех «Войны и мира» объясняют не только высоким качеством сериала (режиссер Том Харпер), но и тем, что аудитория «Аббатство Даунтон», завороженная сериалом, была уже настроена на определенную волну и ждала «чего-то похожего». Многие ниточки связывают два фильма. Режиссер и сценарист сериала «Аббатство Даунтон» (в кинофильме — только сценарист) Джулиан Феллоуз во время работы над сценарием перечитывал, по его словам, роман Толстого. В творческих коллективах двух фильмов замечены одни и те же лица. В частности, актеры: Лили Джеймс, блеснув в роли леди Роуз, «переселилась» в московский дом Ростовых, где она сыграла Наташу; Таппенс Мидлтон, сыгравшей Элен Безухову, в новом «Аббатстве» пришлось довольствоватьсь ролью служанки (правда, с перспективой стать леди); Кейт Филлипс, сыгравшая «маленькую княгиню» Болконскую, наоборот, в новом «Аббатстве» возвысилась до уровня королевской дочери; Том Берк, сыгравший Долохова, мелькал в новом «Аббатстве» где-то на заднем плане. Рецензент журнала «New Yorker» даже назвал «Войну и мир» «Аббатством Даунтон» с выездом в Россию.

У нас сериал по роману Толстого был принят с прохладцей, что отчасти объясняется ревностью, отчасти напряженными отношениями с Англией в политическом регистре. Но какими бы они ни были, надо держаться убеждения, что «хорошее от всякого хорошо». Из всех экранизаций романа, которые я видел, а я видел их, кажется, все, начиная с американской 1956 года, эта — самая близкая к тексту. Фильм снят с любовью к роману, что вызвало у еще одного американского критика

ироническое замечание: похоже, англичане любят Россию, как родную. Впечатление верное, если только уточнить: некоторые англичане любят *ту* Россию, как родную.

Большинство образов удачно воплощены на экране; особенно это относится к Пьеру Безухову, старому князю Болконскому и Марье Болконской. О последней стоит сказать отдельно. Княжна Марья — один из самых обаятельных женских образов в русской литературе, а ее роман с Николаем Ростовым не менее волнующ, чем все три романа Наташи Ростовой вместе взятые. Трудность ее воплощения на экране в том, что она некрасива (что несколько раз повторяет Толстой). Как же мог бравый гусар красавец Николай влюбиться и сохранять влюбленность, можно сказать сильнее, почитание ее в браке? Известна ведь мужская слабость: любят красивых (примечательно, что в фильме Сергея Бондарчука Марья исчезает с экрана сразу после смерти отца и никакого ее романа с Николаем здесь нет). Я бы назвал это казусом Меджнуном из классической поэмы Низами «Лейли и Меджнун»: у Лейли заурядная внешность, и надо быть Меджнуном, чтобы увидеть ее красоту. Но ведь не может быть Меджнуном целая аудитория!

Режиссер решил задачу, удачно подобрав исполнительницу на роль Марии. Ирландская актриса Джесси Бакли моментами выглядит почти дурнушкой, но моментами ее окружает аура мягкой красоты; но главное — актриса прекрасно справилась с ролью. Впервые на экране княжна перешла из круга второстепенных персонажей в круг главных действующих лиц.

Конечно, близость сериала к тексту романа не исключает того, что многое в нем не может быть переведено на язык экрана. Как, например, состояние влюбленности у князя Андрея, описанное у Толстого в следующих словах: «Главное, о чем ему хотелось плакать, была вдруг живо сознанная им страшная противоположность между чем-то бесконечно великим и неопределенным, бывшим в нем, и чем-то узким и тесным, чем был он сам и даже была она (Наташа)». Как это можно показать? Никак. Или вот ключевой момент в романе Николая с Марьей — в Воронеже, в церкви, где Николай «подсмотрел» за молившейся и не замечавшей его Марьей и увидел в ее лице такую внутреннюю красоту, что ему даже «стало страшно». Тоже никак не покажешь. Или вот другой эпизод. Музыку семейных отношений в доме Ростовых показать можно, но как показать так, чтобы это было понятно зрителю, внезапное охлаждение князя Андрея в последние часы его жизни к близким и дотоле любимым им людям (Наташе и Марье)? Умирающему уже приоткрывается высшая реальность, а остающиеся живыми вызывают скорее жалость. И это тоже не покажешь на экране.

И как все это далеко от современной жизни! Рецензент английского журнала «Mail online» (в номере от 30.8.2017) пишет, что «картины жизни русской аристократии в "Войне и мире" заставили сегодняшних сверхбогачей выглядеть мусором, так, будто они живут в Брэдфорде с открытыми туалетами». Не знаю, что это за место такое, Брэдфорд, неладное, должно быть, место. Вроде того, что показано в английском фильме «Зверь» (2018), из жизни современного маленького городка, где толчая в пабах нередко переходит в пьяные потасовки, на улице мужчины пристают к женщинам, а ночами маньяк-киллер бродит в поисках жертв. Между прочим, в главной роли здесь та же Джесси Бакли, а для меня она так срослась с Марьей Болконской, что, увидев ее, я в первую минуту мысленно запричитал: «Бедная княжна, куда вы попали! Как вас сюда занесло?»

Многие нити связывают русскую аристократию с английской исторически. Если брать время действия «Войны и мира» (1805—1820), то в эти годы даже захолустное дворянство у нас зачитывалось романами английских писателей, в особенности С. Ричардсона (вспомним пушкинскую Татьяну: «Она влюблялась в обманы// И Ричардсона, и Руссо»), воспитывавшего в читателях чувствительность и, в частности и главным образом, деликатность в отношениях полов. А Толстой и его круг, как писал

Г.П.Федотов, «в Европе только в англосаксонской стихии чувствуют себя дома. Только ее они способны уважать»¹. Сдержанность, тактичность, изящная простота и то, что Федотов назвал «усмешкой над передним планом бытия», сближают этот круг русских людей с англичанами того же социального уровня. Равно как и готовность ассимилировать выходцев из других сословий.

Но наиболее совершенный автопортрет европейской аристократии вышел из-под пера именно русского, а не английского писателя. Разумеется, «Война и мир» — не только автопортрет аристократии, это панорама русского мира (а Бабель заметил, что если бы мир мог рассказывать о себе сам, он делал бы это так именно, как делал это Толстой).

Конечно, русская аристократия, став частью европейской, оставалась все-таки русской. Трудно представить какого-нибудь лорда, который захотел бы пойти по стопам Пьера Безухова, нашедшего «учителя жизни» в лице простого солдата Платона Карапаева (как о нем говорится в романе, «олицетворения всего русского, доброго и круглого»). Еще труднее представить леди, способную разделить желание княжны-рюриковны Мары Болконской сделаться Божьей странницей, для чего ею уже была припасена соответствующая экипировка, от черного головного платка до лаптей и дорожной котомки (от этого шага ее удержало лишь нежелание огорчать отца и любовь к осиротевшему племяннику).

Слегка перефразирую Иосифа Бродского: зачем нужен был XX век, если был XIX? Ну, а XXI нужен, наверное, или для того, чтобы поправить, где можно, XX, или довести историю до трагического конца.

Время действия «Войны и мира» нельзя назвать золотым (как нельзя назвать таковым никакое другое время), примесь неблагородных металлов не позволяет так поступить, но доля золота в нем такая, коей ни в каком другом времени в истории России не было. Даже американский критик, посмотрев британский сериал, пишет: «Побывав в России 1805 года, нам уже очень не хочется оттуда возвращаться»². Недаром Толстой выбрал именно эту эпоху как наиболее благодарную для отображения (первоначально он, как известно, собирался начать роман с восстания декабристов). Она заполнена войнами, но в войнах есть возвышающий душу трагизм, и потом в тех войнах еще была красота (и еще можно было позволить себе сказать, как сказал герой двенадцатого года гусарский генерал Яков Кульев: «За что люблю Русь: всегда мы где-нибудь воюем»). А итогом их было возвышение России до положения самой сильной в мире державы — под аккомпанемент великолепного гимна Осипа Козловского «Гром победы, раздавайся». Александр Благословенный, «Агамемнон среди царей», сделался фактическим гегемоном континентальной Европы, и не только благодаря силе русской армии, но и благодаря духовной силе Священного союза (его, между прочим, высоко оценил Генри Киссинджер, для которого Священный союз был его научной «специальностью»), инициатором и фактическим главою которого он был. А если он и вправду примерял, подобно княжне Марье, лапти странника и в один прекрасный день превратился в «старца Фёдора Кузьмича» (что пока не доказано, но почти наверное произошло в действительности — к этому склоняется большинство исследователей), то этот эпизод — изумруд в цепочке событий русской истории.

В плане внутренней жизни это была эпоха относительного равновесия, какого ни раньше, ни позже достичь не удавалось. С какой стороны ни посмотри, это было *акме* русской истории. И аристократия, вообще дворянство в лучшей своей части достойно справлялась с ролью национальной элиты. (Даже сильно ослабевшее дворянство не совсем растеряло прежние свои качества. В годы Первой мировой

¹ Федотов Г.П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 88.

² Michigandaily.com/arts/epic-war-and-peace-sight-behold

философ Ф.А.Степун, фронтовик, писал, что только дворяне и патриотически настроенные интеллигенты понимали, за что идет война, а солдатская масса, эти крестьяне, одетые в шинели, имели самое смутное представление о таких понятиях, как «империя» и даже «родина»; только «царь» было для нее значимое слово. Не удивительно, что по свержении царя армия стала быстро рассыпаться и только с появлением нового «царя», хотя бы и в кавычках, годы спустя вновь превратилась в грозную силу).

Невеселая картина складывается сегодня, через двести лет: по всем основным показателям Россия стала второстепенной державой. Только усилия «левшей» из военно-промышленного комплекса пока еще позволяют нашему государству «держать грудь колесом».

Но эпоха «Войны и мира» стала также временем зарождения нашей мягкой силы, как ее теперь называют. И.А.Ильин писал, что духовную силу России в первом приближении олицетворяют персонажи нашей классической литературы: Пётр Гринёв и Татьяна Ларина, Лиза Калитина и Максим Максимыч, Пьер Безухов и Алеша Карамазов (все, заметим, родившиеся в дворянской среде) и многие другие. И эта мягкая сила, как мы могли убедиться, еще покоряет англичан, и не только их. Так же, как мягкая сила, исходящая от Шекспира и Диккенса, покоряет нас. Есть, скажем так, соединенная мягкая сила Большой Европы, от Сан-Франциско до Владивостока (*via* Атлантический океан), христианской по своим истокам Европы, которую угрожают разрушить (и методически разрушают) народы южных цивилизаций. В союзе с нашим внутренним хамством.

Есть ли будущее у *этой* (замечательной своей мягкой силой) Европы? И есть ли будущее у аристократизма?

В Соединённых Штатах, считающих себя твердыней демократии, можно встретить понимание того, что пора отказаться от традиционного предубеждения американцев против аристократии и аристократизма. Так, бывший президент Йельского университета Энтони Кронман пишет: «Очень важно сохранить несколько островков, проникнутых аристократическим духом, как ради них самих, из-за редкости и красоты того, что они защищают, так и для блага всей демократической культуры»¹. Такими островками, по мнению Кронмана, должны стать университеты, по крайней мере, некоторые из них, и упор в учебных программах сделать на гуманитарные науки, в последние годы оттесняемые на задний план; ибо только гуманитарные науки способны воспитать вкус к аристократизму.

Неплохая как будто идея, только в нынешних условиях, как говорится, по bankable, ибо слишком далека от реальности. Как раз университеты и в первую очередь университеты привилегированной когда-то Плющёвой лиги (Йель в их числе), стали очагами хамства, распространявшегося по стране со времен культурной революции 60-х годов. Сейчас там задают тон наследники хунвейбинон, среди которых, кстати, становится все больше разноцветных особей, свысока относящихся к белым как к «неполноценной» расе.

Еще один американец, историк и публицист Оливье де Миль в книге «Будущая аристократия»² тоже считает, что Америка нуждается в достойной аристократии, на замену нынешней плутократии, которая довела страну до состояния хаоса. И он тоже считает, что новая аристократия станет таковою благодаря соответствующему высокой задаче образованию, но, в отличие от предыдущего автора, не возлагает надежды на университеты, откуда, по его словам, выживают нормальных профессоров, места которых занимают пропагандисты и агитаторы глобализма и неолиберализма в

¹ Kronman A. The Assault on American Excellens. New York, 2019. P. 17.

² De Mille O. The Coming Aristocracy. Boston, 2009.

различных его вывертах. Выход из положения де Милья видит в распространении домашнего образования (это вообще модный сейчас в Соединенных Штатах тренд) и в последующем, по достижении определенного возраста, самообразования. В помощь желающим пойти по этому пути де Милья составил список «сто великих книг», которые следует прочесть — начиная от «Илиады» Гомера; где-то в середине там, конечно, есть и «Война и мир» Толстого.

Что касается домашнего образования, то оно останется недоступным для многих способных детей, так как зависит от уровня подготовки родителей или же от их достатка, позволяющего приглашать на дом учителей по своему вкусу. Совет прочесть «сто великих книг» — дальний, но, во-первых, в мире книг лоцман, как известно, не бывает лишним, а во-вторых, те (наверное, все-таки относительно немногие), кто последует совету, образуют, скажем так, россыпь духовных аристократов, но не среду и, тем более, не социальный институт, и вряд ли окажут сколько-нибудь существенное влияние на общественную жизнь.

Заметим: оба американских автора, глядя в будущее, главной задачей считают формирование личности человека. Не лишенной хотя бы некоторых аристократических черт.

Перенесемся в наши пенаты. Нередки вздохания о том, что в нашей жизни не хватает аристократизма — их легко найти в интернете. Но я нашел только одного отечественного автора, который пытается дать ответ на вопрос, как вернуть утраченное — это писатель Александр Мелихов¹. Ответ, увы, неудачный: задачу возрождения аристократизма автор возлагает как раз на социальный институт, но это научное сообщество.

«Ученым, — пишет Мелихов в статье «Мы соль земли, мы украшенье мира» («Дружба народов», 2015, № 12), — пристали не демократические, но аристократические убеждения, убежденность в том, что не менеджеры и не трудящиеся и торгующие массы, но именно они, ученые, суть соль земли и украшение мира». Мелихов оговаривается, что имеет в виду не всех ученых, но подвижников науки,влеченных разгадыванием очередных природных «загадок». Но и такие ученые не годятся на роль водителей человеческого «стада». «Обаяние» науки осталось в прошлом: ей не удалось изгнать из мира Тайну; «покрывало Изиды», несмотря ни на что, остается там, где оно извечно было. На месте разгаданных появляются новые «загадки», их становится все больше и больше, «твёрдые» знания становятся все более зыбкими, и мир с научной точки зрения делается все менее понятным.

К месту процитировать Блока:

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайте — вновь он совьётся во тьму.

В практическом плане наука дала много чего, но это «много чего» может быть употреблено не только на пользу, но и во вред человечеству. И она дразнит воображение, заменяя прежние химеры новыми. И прививает людям досуха рациональное мышление, рисуя чертежи и схемы там, где уместно мягкое наложение красок. И оставляя в небрежении «вопросы правой руки» — религии, искусства.

Ученый — не тот тип, на который равняются массы. Не случайно в кино, от наших фильмов 30-х годов до современных американских фильмов, ученый не всегда, но в большинстве случаев выглядит хотя бы чуть-чуть комической фигурой, хотя бы немножко чудаком. А на аристократа традиционно равнялись окружающие его

¹ Мелихов А.М. «Национальная идея — возрождение аристократии» («Нева», 2006, №5); «Аристократы казармы» («Дружба народов», 2006, №7); «Аристократия и национальная идея» («Октябрь», 2007, №8) и др.

(это показано и в «Аббатстве Даунтон»). Точнее, так: лучшие из аристократов находили подражателей в наиболее восприимчивой части его окружения. Когда-то мне довелось общаться с выходцами из крестьян, получившими университетское образование до революции и потом прошедшими шлифовку в дворянско-интеллигентской среде: может быть, глаз у меня не воспринимает некоторых тонкостей, но я не заметил, чтобы эти «простые» люди в чем-то существенном отличались от потомственно «благородных» — язык, манеры и, главное, этос личных отношений (независимо от идеологического выбора и политических пристрастий) были те же.

Но примеры аристократизма могут показывать не только «вершки», но и «корешки». «Дворянское» благородство могло обнаружиться у мужика, не имевшего сколько-нибудь близких контактов с теми, у кого «грамоты на благородство» имелись с рождения. Н.А.Бердяев (сын киевского генерал-губернатора и внук графини де Шуазель) писал, что есть аристократизм унаследованный, а есть тот, что дается «в порядке благодати»; поэтому аристократические черты можно наблюдать и у простолюдина. «Я, — писал Бердяев, — знал чернорабочих, которые были более аристократами, чем многие дворяне»¹. Левин в «Анне Карениной» называет подлинными аристократами тех, «которые в прошедшем времени могут указать на три-четыре честные поколения, находившиеся на высшей стадии образования...» Но дальше: «дарование и ум — это другое дело»; речь о тех, кто по социальным причинам не мог получить образование, но по складу характера близок лучшим человеческим образцам.

Все же образование — самый верный путь к возобновлению хотя бы некоторых элементов аристократической традиции (в каком-то ином контексте, который невозможно сегодня представить). Весь вопрос — в его составе, в его качестве. Но чтобы говорить об этом, надо пытаться услышать «Клии страшный глас»: каким она назовет следующий эон, через который должно пройти человечество?

Мережковский писал: «противостоять грядущему Хаму может только Христос».

Сторонники теории циклов (Арнольд Тойнби, Питирим Сорокин — называю только самых именитых) согласны в том, что европейскую цивилизацию в самом недалеком будущем ждет аскетический эон, который должен прийти на смену нынешнему, развращенно-чувственному. Похоже, что так оно и будет. В России уже сейчас раздаются голоса о неизбежности какой-то разновидности пуританства. Хотя пуританство — это западное явление, у нас его никогда не было.

О.Сергий Булгаков писал, что христианство аристократично по своим заданиям. Надо полагать, однако, что задания эти выполнимы только для небольшого числа «верных». В массе верующих некоторые «тонкости» христианства не воспринимаются. А пуританство — упрощенное христианство, ставящее в центр внимания ветхозаветный Закон, а к эстетике жизни, к артистизму более или менее равнодушное.

Если, например, в Англии возобладают нео-пуритане, они, наверное, снова сожгут «Глобус» (шекспировский театр, не так давно восстановленный), а в аббатстве Даунтон совлекут со стены в гостиной портрет казненного Карла I в ненавистных пуританам кружевах. Но может быть и так, что Даунтон снова станет католическим аббатством: в этом случае портрет Карла I останется висеть там, где он висит, но прежних веселей в замке уже не будет. Такой оборот дел кажется сегодня невероятным, но еще вчера показалось бы невероятным, чтобы мечети в Англии могли потеснить англиканские и католические храмы. Грозный ангел Джабраил, который, спускаясь на землю, черными крылами своими заслоняет небо (так по мусульманским представлениям), ложится тенью на всю Большую Европу, обещая ей порядки, более суровые, чем те, какие может установить пуританство.

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Хранитель, 2006. С. 154.

Но аскетический эон, говорят нам сторонники теории циклов, будет переходным. Пишет П.Сорокин: «Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме становится все труднее ясно различать и надежно ориентироваться в обманчивых сумерках. На нас и на будущие поколения начинает опускаться ночь этого переходного периода со своими кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ней, однако, занимается заря новой великой.... идеалистической культуры, встретить которую придется уже, вероятно, людям будущего¹. Если, придется оговориться, не прервется само существование человечества.

Идеалистической Сорокин называет культуру, устанавливающую некоторое, хотя бы относительное и подвижное равновесие между потусторонними и посюсторонними устремлениями. Миновав период «очистительной» аскетики, общество вновь станет восприимчивым к благородно-чувственной культуре минувших веков, ко всему, «что на земле сложилось стройно» (А.К.Толстой). Это будет подобие Ренессанса: *Ars commovendi* (волнующее, переворачивающее души, провоцирующее на великие дела искусство) прошлого поучаствует в лепке душ новых поколений, которые будут читать «Войну и мир» и другие великие книги. Если «Илиаду» читают спустя три тысячи лет после того, как она была записана, можно надеяться, что и «Войну и мир» будут читать через три тысячи лет (а если русский станет к тому времени мертвым языком, будут специально изучать русский, чтобы читать нашу классику). И подобно Одиссею, наполнят тени минувшего живой кровью, чтобы они вошли в живую жизнь.

И может быть, вместе с великими книгами дойдут до потомков и некоторые кино- и телепроизведения, в их числе экранизации великих книг. В этих книгах есть глубина, недоступная для экранизаций, но у последних есть преимущество наглядности. Представим, как интересно было бы увидеть воочию героев «Илиады»: как они выглядели на самом деле, как говорили, ходили, жестикутировали.

Классическая культура, которую в сгущённом, «выстоенным» в замках виде представляет аристократизм, заключает в себе, наряду с преходящим, нечто вечное, сообразное человеку, каким он создан Богом; что, наверное, не может воздействовать на воображение даже далеких потомков. Это воспитание художественного вкуса, стремление к красоте, поскольку она возможна в жизни, в быту; забота о «качестве» человеческих душ (впрочем, и тел тоже); культ дома, родного гнезда, живое ощущение преемственности поколений; домашняя оседлость — в сочетании с духовной безбрежностью; органическое принятие иерархического порядка, бытийственного и общественного, — в сочетании с демократическим чувством и соответствующим ему в определенных измерениях общественным устройством.

Если сейчас существует, как мы видели, «запрос» на аристократизм, то, наверное, он и в отдаленном будущем сохранится.

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 790. В оригинале книга вышла на английском языке в Нью Йорке в 1957 году.